

СВЯТОСЛАВНА СЕРХИЯРШКА ВЪДОМОСТІ

15-го АПРѢЛЯ.

№ 8-й.

1892 ГОДА.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

С Л О В О

во Святой Великій Пятокъ. Предъ Плащаницею.

Совершишася! Иоан. 19, 20.

Померкло солнце, потряслась земля, распались камни, раздралась церковная завѣса, отверзлись гробы и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли.... (Мат. 27, 51—52). Совершился судъ міру сему (Иоан. 12, 31). На Голгоѣскомъ крестѣ срътились злота и любовь, клятва и благословеніе, жизнь и смерть, адъ и небо. Открылось зрѣлище позорное, страшное и ужасное: притвожденный ко кресту среди двухъ разбойниковъ, какъ злодѣй, неповинный и безгрѣшный Иисусъ Христось, Сынъ Божій, испустилъ духъ. Ужаснулось небо, подвиглись основанія земли: вмѣвился въ мертвецахъ въ вышнихъ Живый.

Совершилось дѣло великое и преславное (Иоан. 12, 31): князь міра сего изгнанъ вонъ; съ Голгоѣскаго креста вознеслась всемірная жертва за мірскій животъ и спасеніе, сокрушена и истощена держава ада; для падшаго и осужденнаго человѣчества отверзлись доселѣ заключенныя двери рая.... Приникли небеса, всколебалась земля, адъ, стена, вопіеть, буйная и злобная толпа, требовавшая распятія своего Господа и шедшая на зрѣлище позорной смерти Его на крестѣ, расходится, *бѣюще въ перси своя* (Лук. 23, 48); сотникъ и тѣ, которые съ нимъ стерегли Иисуса на крестѣ, весьма устрашились и воскликнули: воистину Онъ былъ Сынъ Божій! (Мат. 27, 54) малое стадо учениковъ Распятаго и

Умершаго затворилось въ Сіонской горницѣ страха ради іудейска, и только два безстрашныхъ ученика и друга погребаютъ своего Учителя и Господа, да двѣ преданныхъ женщины (Марк. 15, 47), обливаясь горькими слезами, зрятъ, гдѣ Его полагаютъ (Мат. 27, 61). Колеблется, мятется вселенная; ужасается, трепещеть, стонеть и вопіеть все. Только одни ослѣпленные злобою беззаконные законники Іудейскіе не видятъ великихъ знаменій великаго дѣла и не чувствуютъ силы смерти Того, кровь Котораго призывали на себя и на дѣтей своихъ; только одни они все еще думаютъ торжествовать. Дрожащими руками прикладываютъ они печать и ставятъ стражу къ ненавистному и страшному для нихъ гробу до третьяго дня. Они увѣрены, что предали вѣчной смерти Безсмертнаго; они увѣрены, что предадутъ тлѣнію Нептлѣннаго, погубятъ Всесильнаго и Вѣчнаго...

А Онъ, Страдалецъ неповинный, почіеть отъ дѣлъ своихъ. Вѣчная славою и честію и превознесенная превыше небесъ глава Его изъязвлена вѣнцомъ терновымъ; уста, вѣщавшія миръ и спасеніе, запечатлѣны смертію; гласъ, повелѣвавшій стихіями природы и изгонявшій злыхъ духовъ, умолкъ; руки, воздвигавшія больныхъ и умершихъ, ноги, ходившія по водамъ, пробиты гвоздями; сердце, обнимавшее любовью всѣхъ, даже враговъ своихъ, прободено копьемъ. Отъ ногъ до главы нѣтъ въ Немъ цѣлости. Онъ весь — язва и струпа. Онъ весь — поношеніе и позоръ. Онъ взялъ на Себя грѣхъ всего міра; Онъ язвленъ за грѣхи наши и мученъ за беззаконія наши (Ис. 53, 3—5); Онъ закланъ за насъ, какъ Агнецъ непорочный и пречистый (Іоан. 1, 29); Онъ далъ Себя въ цѣну и избавленіе за всѣхъ (1 Петр. 1, 18—19). Совершилось! Онъ исполнилъ предопредѣленное отъ вѣка; Онъ положилъ душу Свою за люди своя; Онъ отдалъ Свою плоть и кровь въ питіе и снѣдь людямъ, которыхъ возлюбила душа Его до смерти, смерти же крестныя; Онъ не пощадилъ ни одной капли крови Своей, чтобы омшть насъ и очистить,

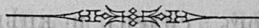
освятить и прославить. Онъ совершилъ все, что требовала за насъ превѣчная правда Божія и начто готова была всесвятая Его любовь; Онъ испилъ за насъ всю горькую чашу, чтобы усладить намъ вѣчную жизнь; Онъ открылъ Свое сердце, распростеръ Свои руки на крестѣ, чтобы воспріять и обнять насъ всѣхъ; Онъ умеръ позорною смертію, молясь за своихъ убійць, чтобы поправить Своею смертію нашу страшную смерть, содѣянную преслушаніемъ нашимъ. Онъ кончилъ дѣланіе Свое, дѣланіе труднѣйшее, чѣмъ твореніе міра; Онъ почиетъ, Онъ во гробѣ.... Въ глубокой скорби и умиленіи, въ постѣ и молитвѣ стоитъ нынѣ у Его гроба, вся Св. Церковь и въ слезахъ поетъ Ему *пѣсни исходныя*. О, кто дастъ и мнѣ источники слезъ, да плачу у этого гроба, надъ этими язвами, претерпѣнными за меня! Кто дастъ мнѣ умиленіе и вопль много, силенъ и крѣпокъ, да рыдаю надъ этимъ пречистымъ тѣломъ, истерзаннымъ, окровавленнымъ и умерщвленнымъ за меня! Кто очиститъ нечистыя уста мои, да лобызаю раны, изъ которыхъ истекла кровь за спасеніе мое! Кто просвѣтитъ мой омраченный грѣхами многими умъ, да уразумѣю и воспріму спасеніе мое, какъ даръ Творца и Спасателя моего, возлюбившаго меня любовью крѣпкою, всесильною! Помилуй, о, помилуй мя, Боже, по величій милости Твоей! Пощади немощное, падшее созданіе Твое, омой пречистою Кровію Твоею, просвѣти и спаси мя!...

Зашло Солнце правды, скрылся свѣтъ истины.. Гдѣ Ты, сладчайшій мой Иисусе? Гдѣ Ты, Царю мой и Господи?... „Плотію во гробѣ, душею во адѣ, яко Богъ, въ рай съ разбойникомъ, на престолѣ со Отцемъ и Духомъ“. Всюду Страдавшій и Погребенный. Прошла всеоживляющею струею Его святая кровь нѣдра земная (Евр. 12, 29), проникла всеопалаяющимъ Божественнымъ пламенемъ преисподнюю и вознеслась благовонною умиловательною жертвою превыше небесъ. Потрясъ смертный вздохъ Господень и небо, и землю, и преисподнюю. Совершилось! Любовь побѣдила злобу; смерть

Христа поправа смерть человѣческую; сошедшій во адъ Сынъ Божій разрушилъ державу адову и воскресилъ души, содержимыя тамо отъ вѣка (1 Петр. 3, 19—20 стих. въ Велик. Субботу). Клятва потребила, благословеніе снизошло. Въ нѣдрахъ Голговы прозябло нетлѣніе, во гробъ Иисуса зачалось вѣчная жизнь; Небо отверзлось, чтобы воспріять искупленное человѣчество (Нендр. въ Велик. Суб. 87). Совершилось!..

Воскресни, Боже, воскресни, суди земли, яко Ты насъ!
милости во вѣкъ языкъ! Воскресни, Боже, воскресни, да исполнятся свѣтомъ Твоимъ небо, и земля, и преисподняя! Воскресни, Боже, воскресни, да поютъ Тебѣ *пѣснь нову* вся силы небесныя и да поклонятся Тебѣ вся племена земная всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Свящ. *І. Ивановскій.*

Языкѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, употребляемыхъ въ настоящее время въ Русской церкви *).

(Историко-филологическій очеркъ).

Какимъ же нарѣчіемъ нужно считать церковно-славянскій языкъ?

Въ настоящее время вопросъ этотъ можно считать болѣе или менѣе основательно рѣшеннымъ: большинство ученыхъ, во главѣ съ Востоковымъ и Шафарикомъ, считают церковно-славянскій языкъ *болгарскимъ* нарѣчіемъ. Въ защиту этого мнѣнія, дѣйствительно, можно привести неопровержимыя доказательства внѣшняго и внутренняго характера. Къ числу первыхъ относятся свидѣтельства древнихъ памятниковъ и данныя историческія. Древность оставила намъ нѣсколько положительныхъ указаній на церковно-славянскій языкъ, какъ на болгарскій. Таково свидѣтельство греческаго біографа архіепископа болгарскаго Климента, — положительно и опредѣленно называющаго языкъ кирил-